

УДК 378:001.89
DOI 10.20339/AM.01-26.028

В.Н. Базылев,
д-р. филол. наук, профессор,
зам. главного редактора журнала «Филологические науки.
Научные доклады высшей школы»
Инновационный научно-образовательный и издательский центр «АЛМАВЕСТ»
e-mail: v-bazylev@inbox.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8952-9485>
Л.Г. Тюрина,
д-р филол. наук,
главный редактор журнала «Alma mater (Вестник высшей школы)»
Инновационный научно-образовательный и издательский центр «АЛМАВЕСТ»
e-mail: almavest@yandex.ru
SPIN-код: 8687-1792

КРИЗИС ГУМАНИТАРИСТИКИ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ ПОСТМОДЕРНА: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ

В статье анализируются причины кризиса отечественных гуманитарных наук, в частности лингвистики и литературоведения. Из исследования следует, что они носят комплексный и объективный характер, определяются во многом цивилизационными факторами — историей отечественной гуманитарной науки, идеологией, системой подготовки научных кадров. Авторы предлагают свой взгляд на проблему кризиса отечественных гуманитарных наук и гуманитарного образования, опираясь на данные библиометрии, выделяют слабые звенья отечественной гуманитаристики на этапе информационного общества. Основной вывод: современная российская филология существует как локальная, «классическая» наука, а не как часть собственно российского общественного или мирового научного процесса.

Ключевые слова: гуманитаристика, гуманитарное знание, гуманитарные науки, лингвистика, литературоведение, история науки.

THE CRISIS OF HUMANITARIANS IN RUSSIAN POSTMODERN SOCIETY: MYTH OR REALITY

Vladimir N. Bazylev, D.Sc. (Linguistics), Academician, Principal Deputy Editor-in-Chief of J. "Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education", Innovative research, educational and publishing center "ALMAVEST", e-mail: v-bazylev@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8952-9485>
Liudmila G. Tiurina, Doctor of Philology, Editor-in-Chief of J. "Alma mater (Vestnik vysshey shkoly)", Innovative research, educational and publishing center "ALMAVEST", e-mail: almavest@yandex.ru, SPIN-code: 8687-1792

The article analyzes the causes of the crisis of the Russian humanities, in particular linguistics and literary studies. It follows from the study that they are complex and objective in nature, determined in many ways by civilizational factors — the history of Russian humanities, ideology, and the system of training scientific personnel. The authors offer their view on the problem of the crisis of the humanities and humanitarian education, identify the weak links of Russian humanities at the stage of the information society. The work uses a bibliometric approach. The main conclusion is that modern Russian philology exists as a local, 'classical' science, and not as part of the Russian social or global scientific process proper.

Keywords: humanities, humanitarianism, humanitarian knowledge, linguistics, literary studies, history of science

Введение

Поводом для написания статьи послужила любезно переданная авторам актуальная, 2025 г., переписка двух докторов филологических наук, профессоров из разных российских университетов, не возражавших против ее публикации.

Уважаемый А. Б.¹, подскажите, как Вы решаете проблему (или у Вас такого не требуется?) с заказчиками НИОКР у лингвистов? За 25 лет у меня их не было, никто не платит за это. Все мои финансируемые НИР были за счет грантов, а последние годы и этого нет. У нас новый ректор, и требуется, чтобы по темам аспирантов этого года набора

был заказчик НИОКР. Написала в столбце «Индустриальный партнер» так: «Для заказа лингвистической НИОКР субъекта хозяйственной деятельности не найдено». Приписала дальше, сохраняя «хорошую мину», но это всё равно не НИОКР: «Образовательный курс по материалам и результатам диссертации может быть предложен в рамках углубленной коммуникативной подготовки сотрудников учреждений и предприятий». Ничего лучше не придумала, увы...
В ожидании ответа! Спасибо! А. А.

Здравствуйте, уважаемая А. А.!
У кого-то щи кислые, у кого-то жемчуг мелкий. Стопроцентно Вы не «решите проблему», ибо не все проблемы решаемы. Дураков, которые будут оплачивать работы лингвистов, нет. Это не прикладные и не первооче-

¹ Мы приводим инициалы авторов с тем, чтобы придать тексту примету обобщенности и типичности обстоятельств.

редные работы. К тому же аспирантская работа работе рознь — иные аспирантские работы не нужны ни педагогике, ни фундаментальной науке. Придется брать не мальчиков и девочек, желающих что-то написать, а зрелых людей, продумавших практическую значимость и приложимость своих разработок, нашедших крепких хозяйственников, готовых оплатить их работу, а остальным скажите — пусть идут работать в совхозы или на Олимпийские объекты. Я им честно советую.

Аспирантов у нас очень мало, в основном литературоведение. Это уже не престижно, бесперспективно, это тупик, который ведет к скромной зарплате ассистента, доцента. Ставки на факультете сокращаются и сокращаются.

У нас тоже новый ректор. Я думаю, Вам по какой-то причине не удалось пока почувствовать сокращение всяческого финансирования, но это не за горами...

Я работаю, не обращая на всё это внимания: ну куда я пойду? К тому же я, как Клим Самгин, могу сказать: «За нами — несколько поколений людей, живших всей полнотой интеллектуальной жизни»².

Время работы без цели и без ответственности ушло. Я искренне так считаю.

С уважением, доброй памятью А. Б.

Переписка как зеркало эпохи дает интересный материал для ее осмысления. Несовместимость гуманитаристской традиции советского периода с новыми реалиями начала третьего тысячелетия отзывается на способах личностной реализации современного носителя гуманитарного знания — конфликтно воспринимающего противопоставление уже сформировавшейся традиции и служение по-новому формирующемуся общему благу, знаменуя собой тревожный раскол национального бытия, грозящего будущими катастрофами.

С точки зрения сугубо бытийной, научное (гуманитарное — в контексте данной статьи) сообщество стихийно отвечает или вынуждено системно реагировать на происходящие в обществе постоянные изменения.

Пытаясь осмыслить сложившееся положение дел, найти свое место в новой «системе координат», закрепить его за собой и тем самым отстоять свое право на существование как таковое в новых условиях, сообщество гуманитариев вынуждено выстраивать методологический, понятийный и инструментальный аппарат в направлении предельного обобщения, максимального охвата всей возможно мыслимой парадигмы.

Отечественная философия предлагает поэтому разграничивать и по-новому осмыслять триаду «гуманитаристика — гуманитарное знание — гуманитарные науки» [1]. Начнем с последнего.

Гуманитарные науки как дисциплинарная область и составляющая образовательного процесса переживают в наступившем столетии не лучшие времена. Многочисленны-

ми свидетельства сложившегося положения и растущей озабоченности гуманитарного сообщества по этому поводу являются разного рода конференции и семинары, полемики и дискуссии, разворачивающиеся как в собственно академическом пространстве, так и средствах массовой информации.

Если мыслить гуманитарные науки как инструмент и пространство авторефлексии социума, то гуманитарное знание предстает как совокупный результат его авторефлексии, непрерывно приращиваемый как на индивидуальном, так и на социальном уровне. Современное состояние гуманитарного знания, среди прочего, характеризуется невероятной широтой методологического спектра, в котором представлены едва ли не все возможные методологические варианты и всё многообразие их изводов — от позитивистского («точечный» сбор и линейное рядоположение разрозненных «фактов») до постмодернистского. По словам П.Е. Спиваковского [5], речь о том, что постмодернизм характеризуется ослаблением историчности, угасанием аффекта и отсутствием глубины, которая «замещается поверхностью или множеством поверхностей, что в случае зачастую даваемого им обозначения интертекстуальности перестает в этом смысле быть содержанием глубины». Правда, метамодерн, пытающийся прийти на смену постмодерну, делает заявку на возвращение в научно-философское пространство историзма, глубины и памяти, всего того, что было отвергнуто в постмодерне [11].

Один и тот же феномен, рассмотренный в различных методологических рамках, оборачивается различными сторонами, представляя и как последовательно развернутый во времени набор знаков — иконических, индексальных, символических, — и как россыпь не связанных между собой элементов. Ни то, ни другое не позволяет проникнуть в суть и увидеть целое как единство неразрывно связанных составляющих.

Гуманитаристика — термин, означающий комплекс гуманитарных и социальных наук, объектом которых выступает социальная, историческая действительность и человек как безусловный центр этой действительности.

Все названные выше инструменты авторефлексии социума направлены сегодня на поиск выхода из кризиса, который, надо признать, носит перманентный характер. Идеи о кризисе гуманитарного научного знания в истории европейской науки не новы. Одним из первых их высказал Э. Гуссерль в работе «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология» (1935). Он утверждал, что кризис наук вообще — проявление универсального жизненного кризиса европейского человечества. Кризис же гуманитарной науки — в забвении «жизненных нужд» чело-

² Имеется в виду цитата из произведения М. Горького «Жизнь Клима Самгина»: «За нами — несколько поколений людей, воспитанных всею сложностью культурной жизни...».

века, самоустранении от вопросов ценности и смысла. Причина кризиса: науки забывают то, ради чего они возникали, а именно — ради решения насущных человеческих проблем. Утрата жизненной значимости гуманитарных дисциплин происходит из-за влияния «научного позитивизма», который сводит всё к наукам о фактах, наряду с перманентной потерей преемственности в гуманитарном образовании. А в нынешней системе научных грантов — к мелко-темью и относительной новизне, поскольку так быстрее и проще получить результат и отчитаться [10].

Гуманитарное знание как отражение политики

Тревожную картину можно наблюдать в отечественной истории филологического образования XX в. В попытках адаптации университетской науки и ученых «старой школы» к постреволюционным политическим и идеологическим условиям характерно было стремление выйти за границы университетов, распространить свои идеи в рамках новых научных проектов, ориентированных на интересы государства. Это требовало в первую очередь соответствия их идей социально-политическим задачам, которые решала советская власть. Гуманитарное знание в не меньшей степени, чем технические и естественные науки, включилось в этот процесс, что привело к росту влияния ученого сообщества на процесс становления и развития культурной и языковой политики периода 20–30-х годов прошлого века. Но в 1929–1931 гг. СНК СССР и НКП РСФСР приняли ряд постановлений, касающихся реорганизации государственных университетов. В них предполагалось сосредоточить подготовку научно-исследовательских кадров по естественно-научным и физико-математическим специальностям и ликвидировать все структуры, не соответствующие данному профилю, в частности гуманитарные факультеты. Постановлением СНК РСФСР № 752 от 13 июля 1931 г. «О реорганизации государственных университетов» кафедры факультета литературы и искусства МГУ были выведены из университета и переданы различным ведомствам. На их основе были организованы автономные образовательные структуры уровня института, соответственно в Москве и Ленинграде — МИФЛИ и ЛИФЛИ.

Речь при этом шла не только о структурной реорганизации. При «строительстве» новой системы подготовки кадров из процесса автоматически исключались «старые» педагогические и научные кадры. Следствие — прерывание традиции. То же, по сути, происходило в конце 50-х — начале 60-х годов. Так, в Постановлении Совета Министров СССР от 21 марта 1961 г. № 251 «Об утверждении Положения о высших учебных заведениях СССР» декларируются

«новые» задачи высших учебных заведений: подготовка высококвалифицированных специалистов с глубокими теоретическими и необходимыми практическими знаниями по специальности, владеющих марксистско-ленинской теорией, новейшими достижениями отечественной и зарубежной науки и техники. По умолчанию всем было понятно, что «старые кадры», ориентированные на «новое учение о языке», на историческую концепцию «курско-орловских диалектов», историографию в духе Н.С. Державина, «переверзевскую школу в литературоведении», оказывались не востребованными «новой высшей школой» эпохи оттепели и ранних косыгинско-брежневских реформ.

Те же процессы можно было наблюдать на рубеже 80–90-х годов. Всегда — одно и то же: потеря преемственности в гуманитарном образовании за счет «принудительного» отстранения «старшего поколения» от преподавания, в первую очередь по идеологическим соображениям. В период «горбачевской перестройки» это проявилось особенно отчетливо. Сам М.С. Горбачев в своем выступлении на XX съезде ВЛКСМ 16 апреля 1987 г. так сформулировал основные претензии к «старому» научно-педагогическому составу вузов: «В формировании убеждений необходимы самостоятельные раздумья, обращенные к “живительному источнику марксизма-ленинизма”, а мы замучили нашу молодежь проповедями. Нужны дискуссии, но у нас даже студентам не дают возможности подискутировать на семинарских занятиях по общественным дисциплинам».

Задаваясь вопросом — что день грядущий нам готовит? — ответим: пока ничего принципиально нового. «Старшее поколение», видимо, вновь «не соответствует». В письме Минобрнауки России от 20.02.2023 № МН-5/168376 сказано: «Принимая во внимание изменения в ФГОС ВО, а также то, что в рамках изучения дисциплины (модуля) “История России” у обучающихся формируются компетенции, направленные на развитие гражданской позиции, сохранение и укрепление культурно-духовной идентичности российского народа и государства, обращаем внимание руководителей организаций, осуществляющих образовательную деятельность, на необходимость кадрового и методического обеспечения реализации указанной дисциплины, в частности рекомендуется привлекать молодых специалистов — аспирантов, преподавателей, молодых ученых».

В интеллектуальной перекличке с Гуссерлем 1935 г. Михаил Эпштейн в 2019 г. напишет о том же самом: «Гуманитарные науки обвиняются в том, что они якобы не приносят никакой практической пользы; оторваны от современной жизни, от экономического и технического прогресса; пользуются чересчур усложненным языком; их изучение в университете не гарантирует занятости и успешной карьеры» [9. С. 10].

Конечно, во всех этих перманентных процессах играет свою роль и стремление гуманитарных наук к модернизму (или постмодернизму) — отказ от человеческого голоса в объектах исследований, попытки сконструировать «историю без человека» или «лингвистику без языка». Это ведет к тому, что гуманитарные дисциплины становятся всё более «техническими», отказываясь от признания возможности постижения объективной действительности в гуманитарном знании.

Тиражирование современной системой образования технократического мышления, в котором гуманитаристике отводится далеко не приоритетная роль, наряду с всеобщей цифровизацией приводит к тому, что молодые люди перестают общаться в реальности и «уходят в себя». В итоге возникает психологическая несовместимость нового поколения с обществом. Об этом в 50-е годы прошлого века и писал Виктор Франкл: «...скрываясь и растворяясь в толпе, человек утрачивает важнейшее из присущих ему качеств — ответственность» [7. С. 200].

Так что заключим этот раздел наших предварительных размышлений о судьбе гуманитариев ехидной репликой того же Эпштейна: «Прежде чем обращаться к обществу с призывом повысить престиж гуманитарных наук, нужно задать простой вопрос: а в чем их особая ценность и перспектива?» [9. С. 12].

Современные проблемы филологических наук

Аналитика публикаций по лингвистике и литературоведению последних лет свидетельствует о том, что обсуждаются одни и те же темы, восходящие к 60–70-м годам XX в. При этом — в той же «оптике». Не отпускает ощущение, что филологическая наука в целом идет по экстенсивному пути, — старая проблематика и старые методы. При этом — неконтролируемый «вал» однотипных по содержанию публикаций, выдаваемых на-гора. Некая имитация «стахановского движения». Новую интерпретацию или привнесение свежих концепций можно встретить редко.

Даже если говорить об общих тенденциях перехода к «информационному обществу». Исследования трансформации гуманитарной науки в России в начале XXI в. говорят о том, что работы по цифровой трансформации в гуманитарных науках (digital humanities) являются абсолютным меньшинством и ограничиваются точечными темами — работа с электронными корпусами текстов, создание электронных словарей, цифровизация имеющегося массива данных. То есть решение технических задач, не более того [8].

Объяснить это, конечно, можно. Слабые места — плохое финансирование и отсутствие поддержки административного ресурса. Филология в целом (языкознание, лингвистика, литературоведение, так же как история и философия) не числится в приоритетных направлениях научных расходов страны. Фрагментарно поддерживается ряд ключевых инфраструктурных проектов — Национальный корпус русского языка, например. Но нет марковского расширенного воспроизводства научных гуманитарных знаний. MegaScience-проекты, да и вообще какое-либо ощутимое финансирование, обходят стороной гуманитарные науки.

Цифровая инфраструктура научных публикаций также оставляет желать лучшего. Большая часть гуманитарно-ориентированных работ публикуется в отечественных журналах. Работы плохо (слабо) индексируются не только в международных базах цитирования, но и в отечественных. Поэтому их поиск в интернет-пространстве затруднен или невозможен. Нет единой базы публикаций и пре-публикаций по филологическим, и шире — по гуманитарным наукам. В отличие от естественно-научного комплекса дисциплин: например, у физиков и математиков есть отечественный проект Math-Net.ru, а также международный — ArXiv.org, представляющие собой цифровой архив подготовленных к печати публикаций, пополняемый самими авторами.

Можно утверждать, что это лишь поверхностные впечатления. В реальности всё гораздо пессимистичнее. Имеющиеся на сегодняшний день данные библиометрического анализа дают объективную картину не только публикационной динамики, но позволяют сделать выводы об актуальности и перспективности того или иного научного направления или научной парадигмы.

Если обратиться к представленным в открытом доступе библиометрическим данным по лингвистике за первую четверть нового века [4] и попытаться их непредвзято проинтерпретировать, то можно получить следующую объективную картину (рис. 1).

Налицо выраженный пик (2004–2008) и последующий спад количественных показателей. Этот спад может быть обусловлен различными факторами, включая как изменения в финансировании науки, так и переориентацию исследовательских интересов.

Выше мы указали на то, что одна из тенденций современной отечественной лингвистики, в частности, повторение пройденного, однотипность тематики, восходящей ко второй половине прошлого века.

Если обратиться к библиометрии по теории языка в данных, собранных С.А. Потякайло [4], то можно констатировать неутешительную картину (рис. 2).

Рис. 1. Общая публикационная динамика по лингвистике 2000–2023 гг.

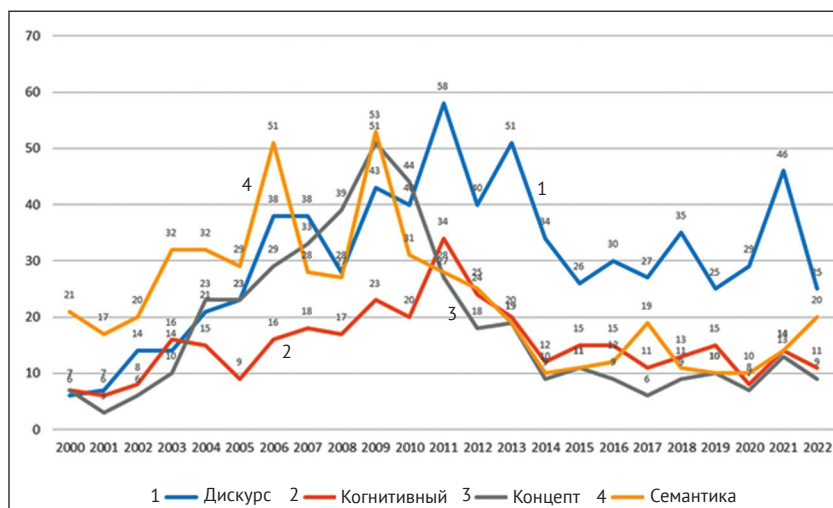

Рис. 2. Приоритетная тематика публикаций в отечественных филологических журналах за 2000–2022 гг.

Как видим, по общему количеству лидируют публикации в рамках т.н. дискурсивной парадигмы. То же касается публикаций в рамках когнитивной парадигмы – зеркально повторяется динамика, сложившаяся в дискурсивной парадигме. Это особенно заметно в периоде 2004–2012 гг. – регресс, стагнация или прогресс происходят одновременно в одной и второй, делая рисунок диаграммы идентичным.

С нашей точки зрения, проблема кризиса отечественной лингвистики в том, что методология конкретной области научного знания не сводится к системе используемых в этой науке методов исследования. При такой трактовке науки на второй план уходит главное – *мировоззренческое значение, философский смысл науки о языке*. Подмена монистического философского базиса неограниченным набором методов ведет к тому, что в современной отечественной науке о языке присутствуют случайные, пустые, бессодержа-

тельные «теории». Они полны противоречивых утверждений, которые, однако, в той или иной степени влияют на процесс производства знания о языке. Некоторые лингвисты жалуются на то, что до сих пор не сформулирован идеальный проект лингвистики, т.е. не определены ответы на вопросы о том, что нужно изучать и почему ценностью считается изучение именно этого, а не чего-либо иного.

Ответить на это можно, наверное, следующим тезисом. Любая наука имеет перспективы конструктивного формирования только в том случае, если она востребована обществом, служит его интересам, решает актуальные, жизненно важные для общества проблемы (как это должна делать теоретическая лингвистика), обеспечивает его развитие (как это должна делать прикладная лингвистика).

В связи с этим тезисом следует указать на такую «застарелую» тематику исследований, как «концепт», которую всё еще пытаются выдать за актуальную. Напомним, что термин «концепт» в отечественном языковедении появляется в 1928 г. с выхода в свет статьи С.А. Аскольдова «Слово и концепт», опубликованной в журнале «Русская речь». Однако в силу различных объективных и субъективных причин концепт на длительное время исчезает из отечественного лингвистического лексикона. Спустя несколько десятилетий в СССР данным термином начинают оперировать

философы в рамках «нового советского языкознания» (например, Р. Павиленис). Термин переживает эпоху «лингвистического ренессанса» в конце 70-х – начале 80-х гг. XX в. Происходит это в первую очередь благодаря трудам Д.С. Лихачева и Ю.С. Степанова, реанимировавших его и давших ему свою обстоятельную интерпретацию. Но тому минуло уже пятьдесят лет!

На фоне сказанного становится понятна ситуация с семантическими исследованиями – диаграмма семантической парадигмы начиная с 2009 г. отражает тот же сценарий, что ситуация с концептом.

Исходя из сказанного выше, можно ли считать, что отечественная филология – лингвистика и литературоведение – пребывают в кризисе? Может быть, всё не так уж плохо? Можно считать и так. Тем более что научный потенциал не исчезает бесследно из истории общества.

У российской гуманитарной науки богатая традиция, воспринятая, в частности, западноевропейской и американской филологией XX в.

Рецепция русской филологии XX в. на Западе и в Америке включала как научное осмысление русской литературы, так и собственно прорывные лингвистические и литературоведческие исследования:

- ♦ советский лингвистический авангард 20–30-х годов XX в. (Р. Якобсон со славистикой, теорией языка и семиотикой; С. Трубецкой с фонологией и евразийством, ставший одним из лидеров Пражского лингвистического кружка; Г. Шпет и А. Лосев с феноменологией, Н. Марр с яфетидологией);
- ♦ формальная школа как новаторское направление советского литературоведения 1920-х годов (В. Шкловский и Ю. Тынянов, Б. Эйхенбаум и В. Пропп);
- ♦ послевоенное «новое языкознание» — семиотика (Вяч. Вс. Иванов, тартуско-московская школа семиотики во главе с Ю. Лотманом).

Эти процессы были связаны с разными факторами, например, с влиянием русской критической мысли на изучение русской литературы в англоязычных странах Запада, с ролью литературных контактов и художественных переводов:

- ♦ изучение наследия русских символистов, которое на Западе воспринималось в основном как эстетическая доктрина, осложненная философско-религиозной рефлексией;
- ♦ интерпретация творчества русских писателей первой половины XX в. западноевропейскими современниками, обнаруживающими расхождения с отечественной критикой и литературоведением по ряду принципиальных вопросов, непривычные трактовки жанровых особенностей, образно-сюжетной структуры;
- ♦ изучение русской классики в стремлении осмыслить вопросы, актуальные для современности, с выделением трех основных вариантов рецепции: медиация, гибридизация и реакцентуация.

Но с какого-то момента — тишина. Сегодня из второй половины XX в. для исследований отбираются одни и те же писатели — Солженицын, Бродский, Распутин, Шукшин, Астафьев. Реже Пастернак. Из национальных — только Ч. Айтматов. Возникает вопрос к литературоведам: если мы переосмысливаем Достоевского, Толстого, Пушкина, то и советских и современных писателей также надо анализировать. Правда, тут возникает сакраментальный вопрос — а есть ли у нас литература³?

Возможно, нынешняя ситуация может быть объяснена тем, что гуманитаристика в советском и постсоветском обществе была и остается одной из наиболее идеологизированных составляющих надстройки в марксовской социологической модели. Это отчетливо проявляется в дискурсивных практиках XX в.

В тот момент, когда идеология «разрешает» говорить о ведущих позициях общества (государства) по отношению к окружающему миру в условиях неравномерности его (общества, государства) эволюции (развития), гуманитаристика совершает прорыв. Как только идеология признает отставание общества на эволюционном векторе, начинается стагнация отечественного гуманитарного знания.

В 1917 г. Ленин в статье «Грозная катастрофа и как с ней бороться» констатировал: «Революция сделала то, что в несколько месяцев Россия по своему политическому строю догнала передовые страны. Но этого мало. Война неумолима, она ставит вопрос с беспощадной резкостью: либо погибнуть, либо догнать передовые страны и перегнать их также и экономически». Гуманитаристика в постреволюционной России затихла. Неудивительно. Ведь сам Троцкий утверждал, что «бывшая империя царей вошла в социалистическую революцию как самое слабое звено капиталистической цепи».

Все прорывы в лингвистике, о которых мы упомянули выше, свершатся позже, в начале 20-х годов. Идеологически необходимо было обосновать победу социалистической революции не в нескольких передовых капиталистических странах Европы, как предполагал «классический» марксизм, а в отдельно взятой стране — Советской России, за которой, как предполагалось, в ходе «перманентной революции» пойдет всё остальное прогрессивное человечество. Ответом на решения X съезда ВКП(б) 1922 г. стало «новое учение о языке», обеспечившее прорыв гуманитаристики и в языковой политике, и в образовании, и в истории, и в литературоведении, и в философии.

Когда же Сталин на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности в феврале 1931 г. заявил: «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы это сделаем, либо нас сомнут...», — гуманитаристика за десять лет практически исчезла. Симптомами начавшегося кризиса стали «разрешенные» переводы А. Мейе и Ф. Соссюра, начавшаяся серия дискуссий в Комкадемии (Поливановская дискуссия, дискуссия о «Перевале»), далее — «Дело славистов», Дискуссия о «переверзевской школе», «Дело о карельском языке»).

³ По данным издательства ЭКСМО, лидером продаж (450 тыс. экз.) в 2025 г. стал роман японского писателя Гэнки Кавамуры «Если все кошки в мире исчезнут». URL: <https://lifehacker.ru/samye-populyarnye-knigi-u-rossiyan-v-2025-godu/>

Лишь после геополитических преобразований по итогам Второй мировой войны тот же Сталин выдвинул тезис о том, что СССР превратился из региональной державы в одного из двух мировых лидеров. Некоторый «филологический» прорыв той эпохи был означен выходом брошюры будущего академика В.В. Виноградова «Великий русский язык».

Однако импульс к конструированию новых исследовательских парадигм в гуманитаристике (включая кроме языкознания и литературоведения историю и философию), оформленный, помимо прочего, т.н. «сталинской дискуссией о языке», «отменится» Н.Хрущевым и его лозунгом 1957 г., прозвучавшим в речи на зональном совещании работников сельского хозяйства областей и автономных республик СССР, — «догнать и перегнать Америку за три года». Сама эта формулировка означала не столько признание того факта, что СССР пока отстает от США по ряду экономических показателей, сколько идеологическое разрешение на неограниченное заимствование, в т.ч. в научной области. Что не замедлило сказаться на гуманитаристике, в частности лингвистике.

В СССР начинается бум на заимствование, в первую очередь из американской лингвистики, и продвижение проектов по американским образцам. Достаточно упомянуть деятельность В.А. Звегинцева по созданию в советской гуманитаристике институционального по американским меркам МГУшного ОТИПЛА, издание серии сборников статей по общему языкознанию, которая была призвана ознакомить советских лингвистов с работами зарубежных исследователей. Первые выпуски носили название «Новое в лингвистике». С последним оказался связан опять-таки чисто идеологический казус: Р.А. Будагов⁴ написал письмо в идеологический отдел ЦК КПСС, в котором указывал на то, что молодое поколение лингвистов вводится в заблуждение: беря в руки эту серию, они сталкиваются с тем, что новое представлено исключительно в западной науке, а в отечественной филологии таковое отсутствует. Это была, конечно, формальная критика, но она сыграла свою роль. С седьмого выпуска серия стала носить более корректное с идеологической точки зрения название — «Новое в зарубежной лингвистике», продолжая продвигать в советской науке о языке западноевропейские и американские научные парадигмы.

Лишь с утверждением идеологии «развитого социализма», явившегося образцом для всех иных развитых и развивающихся стран мира при Л.И. Брежнев, отечественная гуманитарная наука вновь становится, по словам В.К. Журавлева, *pilot science*, определившей во многом актуальные векторы

развития мировой лингвистической мысли 70-х годов — машинный перевод, компьютерную обработку текстов, синтез речи (тот же И. Мельчук — создатель лингвистической теории «Смысл ↔ Текст»).

Всё вновь заканчивается в 80-х и 90-х в условиях идейной и идеологической реструктуризации. Объективно за этим в отечественной гуманитарной науке наступает период смены «большой системы», переориентация на использование различных форм, именно форм, прошлого. Во главу исследовательской работы кладется метод, заимствованный из англо-американской философии позитивизма, который тем самым начинает отрицать не только философию, но и методологию. Он открывает возможность отказа от единого философского базиса, заменяемого множеством методов, а также сочетанием методов, взятых из различных научных дисциплин. В основу научного исследования кладется не философия, а теория, постулирующая, что смысл научного знания зависит от интерпретации источников исследователем и является относительным.

Неслучайно отечественная интеллигенция конца XX в. увлеклась П. Фейерабендом, известным своими «анархистскими взглядами» на процесс научного познания и утверждавшим, что в науке не существует универсальных методологических правил. Очередной отказ от единого монистического философского базиса приводит сразу же к заполнению создавшегося вакуума неограниченным количеством методов исследования. Они сопровождаются нескончаемыми попытками заявить об обнаружении нового и новейшего предмета исследования. Целое поколение лингвистов считает, что тем самым оно отдает долг европейской предметной стратегии истинно научного познавательного процесса.

Чтобы не быть голословными, обратимся в качестве иллюстрации к «новейшему» направлению в отечественной лингвистике — лингвистике дистанцирования, как ее именовали авторы-создатели. Если посмотреть на тематику конференций последних четырех лет, то можно констатировать — лингвистика и иные междисциплинарные гуманитарные направления занимаются регистрацией (фиксацией и описанием) того, что сделано в иных областях научного знания: рассказывается об инфографике и визуализации данных, об аудиовизуальных и перформативных форматах — подкастах, видеоблогах, стримах; о репрезентациях национальных и региональных культур в цифровой среде; об автоматизации перевода. Именно — рассказывается, т.е. описывается и комментируется постфактум уже сделанное в иных отраслях науки и техники.

⁴ Будагов Р.А. (1910–2001) — советский и российский лингвист, представитель т.н. неомарризма в советском языкознании, 1952–2000 гг. — зав. каф. романской филологии МГУ, чл.-корр. АН СССР с 24 ноября 1970 г. по Отделению литературы и языка.

Отсутствует главный фрагмент науки — поиск адекватных ответов на вызовы современной реальности. Но ведь основополагающий принцип организации гуманитарного знания — приближение к объяснению и решению проблем сверхсложных социальных систем, а не механическая регистрация и описание того, что сделано в иных науках.

Эта уверенность или, лучше сказать, «слепая вера» в то, что это так и должно быть, поддерживается представителями «старшего поколения». Уже упомянутый нами М. Эпштейн в одном из своих докладов поделился планами работы в возглавляемом им Центре обновления гуманитарных наук в Даремском университете (Англия), среди которых — создание журнала «интеллектуальных микрожанров».

Лучше П. Фейерабенда, наверное, не скажешь: «Воинственные крики “нам нужна новая теория”, которые можно услышать всякий раз, когда отдельный ученый или целая дисциплина не знают, что делать, выражают не необходимое условие познания, а лишь интересы некоторой группы, поддерживаемые сомнительными аргументами» [6. С. 154].

В исследовательской практике, например, всё сводится к господству микрофилологии — славянской микрофилологии в лингвистике, микрофилологическому анализу текстов классической литературы, исторической микрофилологии (микроистории) в русской историографии. Ольга Довгий метафорически назовет задачей современного российского литературоведения «поиск мошек в янтаре» — «нужно стремиться разобрать текст до буквенного кирпичика <...> поэзия Пушкина тогда то предстает янтаре, то уменьшается до размеров мошки». Она же расскажет читателю (потенциально — будущему исследователю, т.к. автор преподает в МГУ и РГГУ), кто такой микрофилолог: «Человек, которого безумно волнуют безделки на уровне “как”; это Плюшкин от литературы: он собирает в свою копилку что ни увидит, ни услышит. Он пишет в жанре филологической безделки, филологической игрушки» [2. С. 7].

Это уже не безобидные поэтические метафоры, это — руководство к действию нынешних и будущих исследователей. Как говорится — без комментария.

По сути, мы наблюдаем в истории отечественной гуманитаристики «повторение пройденного» — как только в государственной идеологии отдается приоритет эволюционному прорыву общества, гуманитарии (от философов до лингвистов) также совершают прорыв, активно участвуя в решении насущных политических и идеологических задач. Как только государственная идеология «разрешает» говорить об «отставании общества», гуманитаристика впадает в «застой» и подражание, как потом неоднократно выясняется, «загнивающему Западу». Очевидно, для объяснения ситуации можно опереться на модель перманентной схемы

конструирования и деконструкции научной проблематики, обусловленной «социальным заказом» со стороны общества и государства. Или привлечь обладающие объяснительной силой циклические модели с акцентом не только на причины циклов, но и на их механизмы.

Реальная ситуация в гуманитаристике

Сегодняшняя ситуация в отечественной лингвистике и литературоведении может быть охарактеризована как эклектика, вбирающая в себя недифференцированно все элементы предшествующих этапов своей эволюции начиная с 50–60-х гг. XX в. Это ведет, с одной стороны, к эффекту структурного бриколажа (по К. Леви-Строссу) или семиосферы (по Ю.М. Лотману) в соответствующих публикациях. С другой стороны, данную ситуацию можно охарактеризовать как типично постмодернистскую: пытаюсь синтезировать и апробировать все известные подходы в мировой и отечественной гуманитаристике, в частности лингвистике (с оговоркой, что отечественная гуманитарная наука в связи с неравномерностью эволюции лингвокультур — по Д. Лихачеву и Г. Гачеву — характеризуется исключительно практикой заимствования), исследователи просто синтезируют тексты различных лингвистических и литературоведческих концепций, их обрывки, цитаты, что превращает теоретическую базу современной отечественной гуманитаристики во фрагментарную и мозаичную структуру, в сплошной коллаж.

С чем же отечественная гуманитаристика остается сегодня в итоге?

- ◆ Современное литературоведение в России часто замкнуто на «внутреннюю аудиторию», мало участвует в глобальных дискуссиях, в отличие от советских литературоведов, которые занимались миротворчеством; работы, разрабатывающие старую тематику, характеризуются «узкотемьем», точечным разбором произведений, фрагментарными деталями из биографии, не создающими принципиально новой картины жизни и творчества автора.
- ◆ Зависимость от традиционных подходов — много текстологии, биографики, комментаторства, но мало междисциплинарных методик, например, когнитивной поэтики или цифрового анализа литературы, литературной географии.
- ◆ Недостаточное (остаточное, нецелевое) финансирование крупных проектов приводит к их остановке — незавершенным работам по изданию собраний сочинений, как это происходит в ИМЛИ РАН, Пушкинском доме, издательстве «Наука».

В итоге мы наблюдаем маргинализацию российской лингвистики и литературоведения на фоне мировой гуманитаристики.

Под «маргинализацией на фоне мировой гуманитаристики» понимается то, что российская гуманитарная наука часто оказывается в стороне от глобальных трендов, дискуссий и методологических инноваций, несмотря на все усилия по заимствованию — усилия беспорядочные и авральные, обусловленные такими же беспорядочными и авральными требованиями к ученым со стороны бюрократического аппарата министерств и ведомств.

То ученые публично призываются к «академической унии», которая означает подчинение целей российской науки западной повестке, а также западным образовательным и наукометрическим стандартам. Несмотря на признание нескольких отечественных школ в гуманитарных науках, приветствуется использование западной философии в качестве методологической основы исследований и западных научных гуманитарных парадигм.

То весомыми для специалистов считаются статьи в западных изданиях, внесенных в базы Web of Science и Scopus. То Правительство РФ принимает постановление — мораторий на ориентацию на публикации в западных журналах как показатель результативности труда ученых и преподавателей вузов.

То «чиновники от науки» убеждают всех, что российские вузы должны развиваться в мировом тренде, являясь составной частью мировой науки. То выясняется, что программа «5-100», согласно которой минимум 5 вузов России должны были войти в топ-100 мировых рейтингов, практически ничего не дала.

Маргинализация проявляется в:

- ♦ *ограниченной интеграции в мировое научное гуманитарное сообщество:*
- ✓ российские исследователи публикуются преимущественно в локальных журналах (РИНЦ, ВАК), которые мало (слабо) индексируются в Scopus или Web of Science; существует идея создать свою метрическую систему БРИКС, но на это нужно время;
- ✓ российские гуманитарные работы почти не цитируются за рубежом; даже качественные исследования остаются «невидимыми» для глобальной науки; конечно, есть незначительная зарубежная подписка, но этого недостаточно;
- ✓ международные конференции посещаются сравнительно редко, часто из-за финансовых ограничений или языкового барьера (ныне из-за политической ситуации); сейчас активно развиваются онлайн-конференции, в которых могут участвовать наши ученые, но тут к проблеме языковой опять же добавилась и политическая;

♦ *методологическом отставании:*

- ✓ мировая гуманитаристика активно использует digital humanities, big data, когнитивные и сетевые подходы; в России основное внимание уделяется классическим методам — текстология, литературная критика, традиционные архивные исследования рукописей;
- ✓ новые методы применяются фрагментарно, редко цифровые архивы, мало междисциплинарных исследований;
- ♦ *тематических ограничениях:*
- ✓ многие актуальные темы мировые дискуссии — постгуманизм, гендерные исследования (семейные исследования в контексте демографической проблематики), этика технологий, миграционные процессы — в России крайне чувствительны с точки зрения политической конъюнктуры; их переосмысление в ключе традиционных ценностей, возможно, представляло бы значительный гуманитарный и идеологический интерес; наряду с исследованиями моно-, би- и полилингвизма, изучение миграционных процессов внутри полилингвальной лингвокультуры РФ и государств-лимитрофов;
- ✓ российская гуманитаристика часто концентрируется на «классике», истории, литературоведении и философии XIX–XX вв., что делает ее менее актуальной в глобальном контексте;
- ♦ *кадровом и институциональном разрывах:*
- ✓ молодые талантливые исследователи уходят в индустрию (IT, медиа) или уезжают за границу (очередной исторический виток русской миграции);
- ✓ университетские и академические институты часто не имеют сильной инфраструктуры для международного обмена, грантовой работы и крупных проектов, в том числе для междисциплинарных коллабораций даже внутри страны.

Таким образом, феномен маргинализации проявляется в том, что российская филология уступает мировым исследованиям в актуальной тематике, мало участвует в глобальных научных дискуссиях, сохраняет традиционные методы и темы, отстает в инновациях, сталкивается с институциональными и кадровыми ограничениями.

Но самое главное: современная российская гуманитаристика не может нащупать пути к решению насущных жизненных проблем общества и государства — будь то языковая политика, доказательная политика, доказательная прикладная наука (напр. медицина, юриспруденция), будучи частью идеологии в частности и надстройки над экономическим базисом общества в целом. Гуманитаристика, с сожалением приходится констатировать, не вернула себе в первой четверти XXI в. в глазах общества и государства жизненную значимость.

В результате российская филология существует сегодня как локальная, «классическая» наука, а не как часть не только собственно русского общественного, но и мирового научного процесса. Небольшим спросом в обществе пользуются исследования, связанные с корпусной лингвистикой: Национальный корпус русского языка — одно из немногих направлений, где Россия интегрировалась в мировое поле. Исследования по славистике и «малым языкам России» сохраняют уникальную ценность, потому что это нередко последние источники для документирования исчезающих языков, и это направление востребовано в мировом контексте. Продолжают до некоторой степени оставаться востребованными исследования классической русской литературы — Пушкина, Достоевского, Толстого, Чехова.

Перспективные направления гуманитаристики

Основное отставание можно сегодня наблюдать в области computational linguistics и NLP (ООЕ — обработка естественного языка) по сравнению с Западом и Китаем: исследования есть, но они редко входят в топовые международные конференции вроде ACL, EMNLP; в сфере взаимодействия лингвистики с когнитивной наукой и психолингвистикой, которые в России менее развиты и практически вообще не востребованы, чем в США или Европе; в кадровом резерве — молодые исследователи уходят в индустрию (Яндекс, ABBYY, T-Технологии, зарубежные компании), что размывает академическую лингвистику.

Как итог — новые направления гуманитаристики развиваются точно и без системной поддержки.

При этом сами проекты чаще остаются «классическими»: многотомные бумажные собрания сочинений или архивные публикации, реже — цифровые платформы, хотя в мире такие проекты активно интегрируют digital humanities — машинное распознавание рукописей, лемматизацию, корпусный анализ, онлайн-доступ.

В России digital humanities развивается медленно⁵, пока это точечные проекты, часто ориентированные на сохранение текста и базовую работу с корпусами. Международная практика идет дальше: интерактивные базы, совместная работа исследователей, большие многотекстовые платформы, интеграция с AI/NLP-инструментами.

При том что большой потенциал имеют:

- ♦ Digital editions в литературоведении, Computational linguistics и NLP (обработка текстов на естественном языке);

- ♦ GIS (геоинформационная система) — система для сбора, хранения, анализа и визуализации географических данных, которая в гуманитарных науках применяется для того, чтобы привязывать исторические, литературные или археологические данные к пространству; например, в литературоведении GIS — это визуализация географии событий произведений (например, карты всех мест, упомянутых в *Войне и мире*, *Путешествии из Петербурга в Москву*, *Капитанской дочке* и др.), что позволяет видеть пространственные связи, выявлять закономерности и создавать интерактивные карты для исследований и публикаций (здесь очень необходима коллаборация с IT-специалистами)⁶;
- ♦ цифровая археография — современный способ сохранения, публикации и изучения исторических документов (рукописей, актов, летописей); применение цифровых технологий к археографическим материалам: оцифровка и создание электронных текстов, сравнение разных вариантов документов с помощью компьютерных инструментов, аннотирование, тегирование и поиск по тексту в больших архивах, визуализация связей между авторами, документами и событиями (как пример, создание интерактивной базы всех рукописей древнерусских летописей с возможностью просмотра разных вариантов текста, поиска по ключевым словам, анализа структуры документа и даже привязки к географии);
- ♦ Digital humanities для современного общества и культуры, меж- и полидисциплинарные проекты — философия, лингвистика, литература и социальные науки.

В свете сказанного перспективными представляются цифровые методы, используемые в литературоведческих исследованиях, проводимых кафедрой русского языка и литературы Южно-Уральского государственного университета во главе с Т.Ф. Семьян. Исследование обширного корпуса текстов современной уральской поэзии с применением цифровых методов позволило определить доминирование пространственных, временных и телесных образов. Частотный анализ показал, что наиболее распространенные лексико-семантические поля обусловлены природными явлениями, ландшафтом и хронологическими категориями, в то время как социальные связи, духовность и материальный мир встречаются значительно реже. Исследование, основанное на компьютерных моделях и статистических данных, позволило выявить три ключевые доминанты поэтического языка — пространство, время и телесность. В результате были построены компьютерные эмоциональные карты уральских городов [12].

⁵ С 2024 г. в ИРЛИ РАН начал выходить специализированный журнал «Цифровые гуманитарные исследования», где освещаются прикладные и методологические аспекты digital humanities.

⁶ В области литературной картографии успешно работает филолог Франко Моретти. Исследователь создал «Атлас европейского романа» (1997), в котором представлены особенности прозаической географии в произведениях европейской литературы: география персонажей Джейн Остин, места происхождения злодеев в британской литературе, места написания романов Бальзака и т.д.

Как видим, полидисциплинарность в гуманитаристике возможна, актуальна и перспективна. Тематика также может отвечать современным потребностям общества — воспитательным, образовательным, мировоззренческим.

Именно в мировоззренческом, идеологическом и политическом аспекте гуманитаристика, в частности наука о языке, не может полностью утратить свое общественное и государственное значение. Если обратиться к недавней истории 80–90-х годов XX в., то из официальных выступлений Ю. Андропова — доклада, посвященном 60-летию СССР в 1982 г., и М. Горбачева — доклада «О национальной политике партии в современных условиях» на сентябрьском 1989 г. Пленуме ЦК КПСС, следует: нерешенной оставалась, пожалуй, самая важная задача, поставленная еще на X съезде партии в 1922 г., — *национальный вопрос и выработка последовательной языковой политики и языкового строительства*. Неудивительна актуализация этой проблемы в середине первой четверти XXI в.: официально констатируемый провал лингвокультурной работы с ближним зарубежьем в концепции «мягкой силы». Об этом свидетельствует реорганизация на высшем уровне — упразднение Управления по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами и Управления по приграничному сотрудничеству и создание нового Управления по стратегическому партнерству и сотрудничеству под кураторством Сергея Кириенко. Оценка этому однозначна — провал работы с ближним зарубежьем очевиден, но Россия принимает меры⁷.

В канун Дня единства, когда завершалось написание данной статьи, в массмедиа активно велось обсуждение нового посыла президента Владимира Путина, который на совещании по межнациональным отношениям сказал о том, что в СССР была создана рабочая формула единой общности — понятие «советский народ». Эта модель опиралась на идеологию и активно продвигалась с идеологической и идейной подоплекой. Президент заявил, что существование России невозможно без русского народа и русского этноса, и выразил озабоченность попытками внешнего давления, подрывающими межнациональную стабильность внутри страны⁸.

А 25 декабря 2025 г. президент РФ В.В. Путин подписал Указ «О проведении в Российской Федерации Года единства народов России». Напомним также, что с 1 января 2026 г. начнет действовать указ президента РФ от 25 ноября 2025 г. № 858 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года». Его целью является укрепление единства

многонационального народа страны и гражданского самосознания при сбережении этнокультурного и языкового разнообразия. Стратегия устанавливает, в частности, следующие задачи: укрепление исторически сложившегося государственного единства и целостности РФ; сохранение и защита самобытности ее народов; гармонизация межнациональных отношений (электронный ресурс: <https://www.garant.ru/news/1946287/>).

Реализовать эту программу, которая в первую очередь носит идеологический характер, можно только с опорой на актуализацию всего комплекса гуманитарного знания, к которому должно приобщать молодое поколение россиян. Ведь идеология — не что иное, как гуманитарное знание: философия; история отечественной, в первую очередь в нашей тематике, литературы — русской, советской и национальной; языка, русского и родного, — играющее решающую роль в формировании системы ценностей, целей и идеалов, которые лежат в основе единения народов России.

Заключение

Размышляя о судьбах современной гуманитаристики, А.В. Жукоцкая отметила: «Если уж говорить о кризисе гуманитарного знания в России, то он вытекает, скорее, из того, что “производится оно в малых количествах (и очевидно, низкого качества)”, конструируют его “не те” акторы и “продается” оно довольно плохо. Но в таком случае это вряд ли кризис в его онтологическом смысле, это можно рассматривать скорее как кризис институции. Упадок гуманитарного знания следует мыслить исключительно как упадок социальных институтов, гарантировавших ранее его производство, распространение и потребление» [3. С. 93].

Еще раз подчеркнем, что в контексте этой статьи гуманитарное знание и гуманитаристика понимаются как весь разнообразный комплекс наук, объектом которых выступает социальная, историческая действительность и человек как безусловный центр этой действительности. Социальная действительность не статична, она постоянно изменяется, а инструментом изменений зачастую выступает само познание.

Отвечая на вопрос о целях, задачах и перспективах гуманитаристики на этапе перманентных инноваций нашего общества, заметим — она вновь должна обрести способность ответить на вызовы современности и фундаментальные вопросы человека и общества.

⁷ URL: https://tsargrad.tv/dzen/proval-raboty-s-blizhnim-zarubezhem-ocheviden-rossija-prinimaet-mery_1359716 (дата обращения: 06.11.2025).

⁸ URL: https://dzen.ru/a/aQvxhp_HHLGritWb?from_site=mail (дата обращения: 06.11.2025).

Литература

1. Демидова О.Р. Гуманитаристика, гуманитарное знание, гуманитарные науки // *Universum: Вестник Герценовского университета*. 2009. № 11 (73). С. 7–11.
2. Довгий О.Л. Сатиры Кантемира как код русской поэзии. Опыт микрофилологического анализа. Тула: Аквариус, 2018. 440 с.
3. Жукоцкая А.В. Размышления о современной гуманитаристике // *Вестник МГПУ. Серия: Исторические науки*. 2021. № 1 (41). С. 89–99.
4. Потякайло С.А. Библиометрический анализ исследовательских парадигм в лингвистике // *Litera*. 2022. № 6. С. 129–140. <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2022.6.38210>
5. Спиваковский П.Е. Метамоде́рнизм: контуры глубины // *Вестник Московского университета. Серия 9. Филология*. 2018. № 4. С. 196–211.
6. Фейерабенд П. Прощай, разум. М.: АСТ: Астрель, 2010. 477 с.
7. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 366 с.
8. Чернышева А.Н. Исторический опыт трансформации гуманитарной науки в России во второй половине XX — начале XXI века: автореферат дис. ... канд. ист. наук. Владивосток: Дальневост. федер. ун-т., 2011. 21 с.
9. Эпштейн М.Н. Будущее гуманитарных наук: Техногуманизм, креаторика, эротология, электронная филология и другие науки XXI века. М.: РИПОЛ классик, 2019. 239 с.
10. Тюрина Л.Г., Овчинников Г.К. Товарный дискурс в системе высшего образования и науки // *Alma mater (Вестник высшей школы)*. 2019. № 6. С. 10–16. <https://doi.org/10.20339/AM.06-19.010>
11. Купарашвили М.Д. Есть ли жизнь после постмодерна? Философская экспликация // *Alma mater (Вестник высшей школы)*. 2025. № 12. С. 84–90. <https://doi.org/10.20339/AM.12-25.084>
12. Семьян Т.Ф., Смышляев Е.А., Шолохов М.А. Цифровые методы исследования современной уральской поэзии // *Филологические науки. Научные доклады высшей школы*. 2025. № 6. С. 140–148. <https://doi.org/10.20339/PhS.6-25.140>

References

1. Demidova, O.R. Humanitarianism, humanitarian knowledge, and humanities. *Universum: Vestnik of the Herzen University*. 2009. No. 11 (73). Pp. 7–11.
2. Dovgij, O.L. Cantemir's satires as a code of Russian poetry. The experience of microfilological analysis. Tula: Aquarius, 2018. 440 p.
3. Zhukotskaya, A.V. Reflections on modern humanities. *Vestnik of the Moscow State Pedagogical University. Series: Historical Sciences*. 2021. No. 1 (41). Pp. 89–99.
4. Potyakailo, S.A. Bibliometric analysis of research paradigms in linguistics. *Litera*. 2022. No. 6. Pp. 129–140. <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2022.6.38210>
5. Spivakovsky, P.E. Metamodernism: contours of depth. *Vestnik of the Moscow University. Series 9. Philology*. 2018. No. 4. Pp. 196–211.
6. Feyerabend, P. Farewell to Reason. London – New York: Verso, 1987. 340 p.
7. Frankl, V.E. Der Mensch auf der Suche nach Sinn. Stuttgart: Klett, 1972. 304 p.
8. Chernysheva, A.N. The historical experience of the transformation of the humanities in Russia in the second half of the 20th – early 21st century. Author's Dissertation Thesis ... Candidate of Historical Sciences. Vladivostok: Far East Federal University. Univ., 2011. 21 p.
9. Epstein, M.N. The future of the humanities: Technohumanism, creatorics, erotology, electronic philology and other sciences of the 21st century. Moscow: RIPOL Classic, 2019. 239 p.
10. Tyurina, L.G., Ovchinnikov, G.K. Consumer goods discourse in the system of higher education and science. *Alma mater (Vestnik vysshey shkoly)*. 2019. No. 6. Pp. 10–16. <https://doi.org/10.20339/AM.06-19.010>
11. Kuparashvili, M.J. Is there life after postmodernism? Philosophical explication. *Alma mater (Vestnik vysshey shkoly)*. 2025. No. 12. Pp. 84–90. <https://doi.org/10.20339/AM.12-25.084>
12. Semyan, T.F., Smyshlyayev, E.A., Sholokhov, M.A. Digital research methods of modern Ural poetry. *Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*. 2025. No. 6. Pp. 140–148. <https://doi.org/10.20339/PhS.6-25.140>